

Даос нахмурился и пристально посмотрел на него. Мальчик вздрогнул и, не решаясь больше ходить вокруг да около, поспешно выпалил:

— Люди из нескольких сект пошли посмотреть на того покойника из Школы Весенней Горы, учитель, и знаешь, что они обнаружили? Они опознали тело — это старейшина Сун Я!

— Что? — даос остолбенел, а затем рывкнул:

— Откуда ты это узнал?

— С... снаружи уже все говорят...

Мальчик съёжился от страха и робко добавил:

— Учитель, может, нам стоит передать весточку настоятелю?

Уголки губ даоса дёрнулись, на лице его возникла неискренняя, кривая усмешка.

— Не твоя забота. И мне нечего беспокоиться. В Храме Сокрытого Ветра людей много, кто угодно может донести.

Говоря это, даос вдруг почувствовал холодок за спиной.

Он резко обернулся, подозревая, что за ним следят.

Но перед храмом Драконьего Короля было слишком много народу, а после завершения церемонии подошли и уездные чиновники со свитой.

Даоса отвлекли, и найти того, кто, возможно, следил за ним, стало уже невозможно.

— Пойдём, — Мо Ли поправил шляпу и сказал стоящему сзади Мэн Ци.

Мэн Ци шляпы не надел, но, скрыв свою ци, он действительно не привлекал к себе особого внимания.

Это было странное явление: Мэн Ци не становился невидимым, но те, кто приближались к нему, всегда обращали внимание сначала на что-то другое поблизости, упуская возможность как следует разглядеть его лицо.

Такой феномен считался признаком высшего мастерства в ушу, когда даже лепесток цветка или сорванный лист могли стать оружием, а сам человек был неотличим от песчинки или камешка.

Но это была лишь легенда. Ранить кого-то травинкой — не так уж сложно, а вот оставаться незамеченным — не под силу даже непрерывшённому мастеру.

У Мэн Ци же такая способность была всегда. Мо Ли спрашивал его об этом, но Мэн Ци и сам толком объяснить не мог.

Со временем Мо Ли даже начал думать, что это врождённый дар Драконеёй жилы.

Алхимики так любили трещать о Драконьих жилах, занимаясь их поиском и определением, но когда Драконья жила являлась им во плоти — кто бы её узнал?

— Этот даос, кажется, обладает некоторым мастерством, но, похоже, он не из ближнего круга Старого предка Цинъю, — заметил Мэн Ци.

Даос и мальчик говорили очень тихо, и даже Мэн Ци в такой суматохе не мог слышать слова, но они не прикрывали рты, и по губам он смог уловить общий смысл.

Мо Ли изначально планировал проследить за посыльным из Храма Сокрытого Ветра к Старому предку Цинъю, но раз этот даос не собирался связываться в историю, следить за ним было бессмысленно.

— Сегодня в городе проводят ритуалы даосы, монахи и шаманки — всего человек тридцать-сорок. И лишь этого пригласили власти. Храм Сокрытого Ветра и вправду имеет в провинции Юн огромное влияние.

Мэн Ци, закончив свою оценку, не стал сам принимать решение, а вместо этого спросил:

— Доктор, куда теперь направимся?

— В императорскую гробницу.

Уезд Цюн был невелик, но имел особое значение.

Здесь находились родовые земли императора Лу Чжана из династии Ци. Поговаривали, кое-кто из рода Лу до сих пор тут проживает.

Когда династия Ци пришла к власти, эти родственники не вознеслись вместе с ней, а продолжили жить в страхе в поместье Лу за пределами уезда, по соседству с императорской гробницей, что выстроила династия Ци.

Вокруг гробницы стояло множество войск, и, кроме членов семьи Лу, простолюдином приближаться запрещалось.

Оттого жизнь этих Лу была очень тяжкой, почти как у стражей гробницы.

И жаловаться они не смели — ведь в гробнице покоились их же предки, и кто бы посмел роптать на охрану прародителей?

— Почему Лу Чжан так поступил? — с любопытством спросил Мо Ли.

Ведь, по словам Мэн Ци, Лу Чжан был императором крайне тщеславным. Хотя он и узурпировал трон, но всегда старался прикрыть сей факт благовидным предлогом. Восстание своё он поднял под лозунгом того, что императоры династии Чу были жестоки и неблагодарны.

Как говорится: «Если правитель относится к подданным как к рукам и ногам, то подданные относятся к нему как к сердцу и утробе; если правитель смотрит на подданных как на пыль и сорную траву, то подданные смотрят на него как на разбойника и врага».

На деле же, до крайности дела довёл император Юань из Чу. Последующий же император Лин, хоть и не был добр к министрам, но к генералу Лу Чжану относился более чем справедливо — иначе Лу Чжан, как бы ни старался, не смог бы заполучить командный жезл в свои тридцать с небольшим.

Лу Чжан намеренно запутывал картину. Простолюдины же знали лишь то, что слышали в чайных да из пьес, и только то, что маркиз Цзинъюань, усмиривший смуту, умер при загадочных обстоятельствах.

По словам Мэн Ци, став императором, Лу Чжан учредил тайную службу Цзиньвэй, дабы ограничить власть военных, а внешне был к сановникам щедр и великодушен.

Не жалел ни золота, ни драгоценностей, а уж если дело доходило до духовных снадобий — так и вовсе не скупился. Именно так Лю Дань и попал в поле зрения государственного наставника Мэн.

— Он так любит делать красивую мину, но своих же родичей держит под домашним арестом. Любой зрячий легко заметит неладное, а ему хоть бы что. Неужто он с роднёй во вражде? — спросил Мо Ли, продолжая идти.

Жители уезда Чжушань даже фамилию императора толком не знали, уж куда там до дворцовых тайн.

В те времена влияние родов было огромным.

Иные деревни основывали предки, сбежавшие от бедствий и собравшиеся вместе, и браки заключали между собой.

Порой вся деревня носила одну фамилию, все были связаны кровными узами, и слово старейшин рода имело больший вес, нежели приказы властей. Если же кто-то отрекался от своего рода, какие бы веские причины ни были, в глазах общества он становился неверным и неблагодарным.

Кто поверит человеку, что отрёкся от предков и не печётся о кровных?

— Учитель мой говаривал, что всё это заблуждения, и чем крепче такой род, тем больше в нём сокрыто тёмных дел, — припомнил Мо Ли.

Цинь Лу был человеком противоречивым: джентльмен, чтящий ритуалы, и в то же время презирающий затхлые догмы. Для господина Цинь ритуалы были проявлением воспитанности, а не оковами. Негоже людям заковывать себя в эти рамки и следовать за толпой.

Мэн Ци, заложив руки за спину и наблюдая за мастерами боевых искусств у дороги, рассеянно произнёс:

— Доктор, ты угадал. У Лу Чжана с его роднёй не просто вражда, а настоящая, лютой степени ненависть!

— Расскажи поподробнее.

— В юности он пошёл в армию, заслужил заслуги на границе, получил повышение и постепенно добрался до столицы...

Мэн Ци запнулся на полуслове и не без иронии добавил:

— История звучит похоже на историю Лю-Кошеля. Неудивительно, что Лу Чжан к нему благоволил.

— У нас тоже есть деньги, — мягко напомнил Мо Ли, чтобы Мэн Ци не забывал о чужих финансах.

— А кому денег много бывает?

Мэн Ци произнёс это с намёком и продолжил:

— Я наводил справки о происхождении Лю Даня. Семья его была бедной, родители рано умерли, на родню рассчитывать не приходилось, а выбиться в люди хотелось. Оставалось идти в армию — богатство ищут в опасности. По сравнению с Лю-Кошелем, юность Лу Чжана была куда горше. Во времена Чу внешних врагов почти не было, как ни старайся — больших заслуг не заработаешь. Если бы не женился на дочери высокопоставленного чиновника, вряд ли бы выбился в тот чин, что привлёк внимание императора Лина.

Они вышли за ворота уезда Цюн и прошли двадцать ли на восток, где вдали виднелся мемориальный портал.

— Всё и началось с этого портала.

Отец Лу Чжана умер рано, мать же принудили повеситься. Члены рода Лу сочинили красивый панегирик, а затем доложили властям, будто она добровольно последовала за супругом.

Так они могли присвоить приданое женщины, земли и имущество сироты, да ещё и выбить для рода мемориальный портал добродетельной вдовы.

Какова была цель такого портала?

Награда от властей — не просто красивая арка. Она также освобождала род от части налогов или трудовых повинностей.

— ...Короче говоря, всё упиралось в деньги! Семья Лу из уезда Цюн была не первой, кто так поступал, и не последней, — сказал Мэн Ци, лицо его не выражало ни радости, ни гнева, словно он повидал множество подобных трагедий.

Мо Ли глубоко нахмурился:

— Неужели никто не разоблачал подобное?

— Обычно лишь семьи с положением могли так поступать. Ведь нужно было не только восхвалять добродетель «вдовы», но и расписывать, каким выдающимся был её рано умерший муж, как прилежно учился, каким справедливым и добрым человеком был.

— Затем нанимали людей, чтобы те по всем окрестным деревням разносили эту историю. И, конечно, не обходилось без красивого сочинения. Местные чиновники, кои обычно в народных делах не шибко разбирались, назначались благодаря экзаменам. Увидев хорошо написанный, трогательный текст, они проникались — и дело считалось решённым.

— Чиновник, управляющий областью, жаждет повышения. А наличие добродетельных вдов и почтительных сыновей — часть оценки его заслуг. Есть такие — значит, край в порядке, ведь «когда амбары полны, народ знает ритуалы; когда у него есть еда и одежда, он знает честь и позор».

Смерть одной деревенской женщины не могла лечь в основу сочинения.

Лишь крупные деревенские роды, что вели жизнь земледельцев и учёных, да ещё и упоминались в местных хрониках, были идеальным вариантом.

Воздвигнув мемориальный портал добродетельной вдовы, уездный чиновник мог вписать своё имя в хронику, да ещё и под благовидным предлогом — от имени двора награждает местный род.

<http://bllate.org/book/15299/1351886>